

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Яковлева Татьяна

(1906–1991)

Отец ее был военным инженером, потом архитектором в Пензе. Имея изобретения, он не смог реализовать их в царской России и потому уехал в Америку. Мать с двумя дочерьми, Татьяной и Людмилой, осталась на родине и вышла замуж вторично. А в 1925 году, узнав о слабом здоровье Тани, ее пригласил в Париж дядя, салонный портретист Александр Яковлев. «Юная Татьяна почти сразу оказалась своим человеком в светских кругах, – подчеркивает Юрий Тюрин. – Высокая, белокурая, стройная, с безупречным французским языком, блестяще знающая русскую литературу, она становится заметной посетительницей модных салонов. Как-то в одном из монпарнасских кафе к Татьяне подошел Александр Вертинский и пригласил на танец. Оказавшийся поблизости Александр Яковлев немедленно пресек возможное знакомство, объяснив Вертинскому, что его племянница еще в свет не выходит, а потому и танцевать с мужчинами ей не следует...»

Сестра Лили Брик, Эльза Триоле, вспоминала о своей первой встрече с Татьяной Яковлевой: «Да вы под рост Маяковскому... (Для того времени Татьяна была очень высокой — 178 см) Так из-за этого “под рост”, для смеха, я и познакомила Володю с Татьяной... Татьяна была в полном цвету, ей было двадцать с лишним лет, высокая, длинноногая, с яркими желтыми волосами, довольно подкрашенная, “в меха и бусы оправленная”. В ней была молодая удаль, бьющая через край жизнеутвержденность, разговаривала она, захлебываясь, плавала, играла в теннис, вела счет поклонникам... Татьяна была поражена и испугана Маяковским.

Трудолюбиво зарабатывая на жизнь шляпками, она в то же время благоразумно строила свое будущее... Роман их проходил у меня на глазах и испортил мне немало крови...»

Еще бы! Ведь Эльзе приходилось отчитываться перед сестрой и регулярно сообщать той в Москву о поведении поэта. Да и сама Эльза, надо полагать, не была свободна от мелочных, женских укулов ревности: ведь поначалу, еще до многолетней связи Маяковского с Лилей Брик, он был привязан именно к ней, Эльзе...

Но речь сейчас не о ней. Владимир Маяковский и Татьяна Яковлева познакомились на Монпарнасе в конце октября 1928 года. Любопытно, что 20 октября, как сообщает известный шведский славист Бенгт Янгфельдт, Владимир Владимирович «поехал в Ниццу, где отдыхала его американская подруга Элли Джонс с дочкой, которую он признавал своей. Судя по письмам Элли Джонс, встреча в Ницце была неудачной; уже 25 октября он вернулся в Париж», где тем же вечером и произошла упомянутая встреча.

Они сразу же потянулись друг к другу. И, по выражению одного из биографов, «запульсировала так долго молчавшая в его лирике любовная жилка». Поэт посвятил своей новой возлюбленной два страстных стихотворения: «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и «Письмо Татьяне Яковлевой». Беловые автографы этих стихотворений были подарены Татьяне Алексеевне.

Зоя Богуславская, побывавшая в Америке и встречавшаяся с Татьяной Алексеевной, приводит ее слова: «Мы виделись почти каждый день. Он ухаживал за мной так, как никогда никто не ухаживал. Цветы, разговоры о поэзии, стояние под снегом. Он меня безумно ревновал... Мои родные не понимали степень близости наших отношений. Я никогда никому не рассказывала об интимной стороне наших отношений. Это только мне

принадлежит... Маяковский мне нравился. И как мужчина, и как поэт, которого я всегда знала и любила».

«Это была замечательная пара. Маяковский очень красивый, большой. Таня тоже красавица — высокая, стройная, под стать ему. Маяковский производил впечатление тихого, влюбленного. Она восхищалась и явно любовалась им, гордилась его талантом». Такими Татьяну и Маяковского запомнили художник В. Шухаев и его жена.

Поэт покидал Париж, переполненный надеждой и тревогой. Ему так и не удалось уговорить Татьяну поехать с ним в Москву, но и категорического отказа он тоже не услышал.

«Яковлевой не нравилось, что он читал стихи в русском обществе Парижа: их отношения получили широкую огласку, — уточняет Ал. Михайлов, биограф Маяковского. — И в то же время ей были лестны внимание и ухаживание знаменитого поэта. Уговоры Маяковского стать его женой и ехать в Москву она встретила уклончиво. Однако вопрос этот не был решен окончательно... Из Москвы в Париж летят телеграммы, письма — просящие, умоляющие, нежные, требовательные».

Татьяна же сообщала в письме своей матери в Пензу: «Если я когда-либо хорошо относилась к моим “поклонникам”, то это к нему, в большой доле из-за его таланта, но еще в большей из-за изумительного и буквально трогательного ко мне отношения... Я до сих пор очень по нему скучаю. Главное, люди, с которыми я встречаюсь, большей частью «светские», без всякого желания шевелить мозгами или же с какими-то мухами засиженными мыслями и чувствами. М. же меня подхлестнул, заставил (ужасно боялась казаться рядом с ним глупой) умственно подтянуться, а главное, остро вспомнить Россию...»

Он всколыхнул во мне тоску по России и по всем вам буквально, я чуть не вернулась. И сейчас мне все кажется мелким и пресным. Он такой колоссальный и физически и морально, что после него буквально пустыня. Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след».

Судя по всему, и с ее стороны было настоящее чувство...

Сообщая Татьяне о напряженной работе над пьесой «Клоп», от которой болят глаза, поэт признавался: «Ничего. До тебя пройдет. А глаза мне все равно до тебя не нужны, потому что, кроме как на тебя, мне смотреть не на кого».

Это была настоящая пощечина Лиле Брик! К тому же Эльза донесла сестре о надвигающейся катастрофе: поэт влюблен не на шутку, даже мечтает жениться, а это означает одно — материальное благополучие «семьи» Бриков — Маяковского, обеспечиваемой Владимиром Владимировичем, под угрозой. Письма Лили Юрьевны из Москвы в Париж в разгар романа Маяковского с Яковлевой пестрели просьбами насчет «абсолютно блестящих» чулок, часов с недельным заводом и... автомобильчика: «Прежде чем покупать машину, посоветуйся со мной телеграфно, если это не будет “Рено” или “Бьюик”. Телеграфируй автомобильные дела. Целую. Твоя Киса».

«Даже с Т. Яковлевой, — подтверждает Б. Янгфельдт, — в которую он был так серьезно влюблен, Маяковский говорил все время о Л.Ю. Т. Яковлева рассказывала мне о том, как они вместе покупали Л.Ю. подарки в Париже, выбирали автомобиль, обивку сидений и пр.».

Небезынтересно упомянуть вот еще о чем. Каждый месяц Маяковский, будучи любящим сыном, посылал 150 рублей своей матери. Возвратясь на родину, он стал помогать и... маме Яковлевой, а также ее младшей сестре, Людмиле. «Маяковского я узнала после его приезда из Парижа. Он меня разыскал и сразу стал обо мне заботиться, как если бы я была сестра его жены. Тут же меня спросил, что мне нужно для жизни. Я сказала: 2 рубля в день. И он мне давал 60 рублей в месяц... Невероятно сильно переживал разлуку с Таней».

«Стихи, посвященные Татьяне, обнажали характер их отношений («В поцелуе руки, губ ли, в дрожи тела близких мне...») и «письменно подтверждали то, о чем Лиля уже знала, – пишет Аркадий Ваксберг. – Но «дрожь тела» какой угодно особы, повстречавшейся Маяковскому, никогда ее не пугала. Пугал новый, непривычный доселе характер отношений с той, про чью «дрожь» Маяковский так смело писал. «Ты в первый раз меня предал», – сказала Лилия Маяковскому, выслушав его рассказ, а главное, стихи, адресованные Татьяне». Известно, что в сердцах Лилия Юрьевна даже разбила какую-то драгоценную вещицу, то ли шкатулку, то ли фарфоровую кружку...

Маяковского не остановило даже это. Он снова устремился в Париж. Эльза Триоле писала о том, что во время этой второй встречи поэт понял: с ним ведется какая-то интрига, так как Татьяна продолжала поддерживать отношения с другим своим поклонником. Маяковский был очень разочарован. Судя по всему, поклонников было несколько. И даже больше чем поклонников. «У меня сейчас масса драм, – писала Татьяна матери. – Если бы я даже захотела быть с Маяковским, то что стало бы с Илей, и кроме него есть еще двое. Заколдованный круг». «Илей» — Ильей Мечниковым...

Тем не менее, уезжая из Парижа на этот раз, поэт сделал заказ в цветочном магазине, чтобы Татьяне Алексеевне еженедельно приносили от него букет. Причем для каждого им оставлялась записка в стихах...

Именно в этот свой приезд он предложил Яковлевой «стать его женой и уехать с ним в Россию — мысль, которую она, по словам Р. Якобсона, «встретила уклончиво». Но роман их продолжался, и Маяковский собирался вернуться в Париж в октябре того же года» (Б. Янгфельдт).

Она же откровенничала в письмах к матери: замуж же вообще сейчас мне не хочется. Я слишком втянулась в свою свободу и самостоятельность... Хотят еще меня везти в разные страны, но все другое ничто рядом с М. Я, конечно, скорее всего его выбрала бы. Как он умен!..»

Почему она все-таки не соединила свою судьбу с Маяковским? Может, частично на этот вопрос отвечают размышления Михаила Коносова: «Татьяна Яковлева вся была в дворянском окружении, а отношение парижской русской эмиграции к Советам в те годы было явно враждебное. Сталин уже завинчивал гайки, с нэпом было покончено, ленинская гвардия слетала с верхних постов, заменяясь новой номенклатурой; Троцкий был еще в Алма-Ате, но набивал вагоны антиквариатом для отъезда за границу. Маяковский, тонко чувствуя ситуацию, писал сатиру. Его «Клоп» и «Баня» были встречены злобной критикой. Уже с 1925 года в левовском салоне Бриков по вторникам стала появляться зловещая фигура Якова Сауловича Агранова — видного деятеля НКВД, который был правой рукой Н. Ежова, еще не бывшего тогда наркомом. Агранов спровоцировал арест и разгром «организации профессора Таганцева» в Петрограде с расстрелом Н. Гумилева в том числе, крутился с Блюмкиным вокруг Есенина, позднее приложил руку к уничтожению Н. Клюева... Осип Брик давно был официальным сотрудником ЧК-НКВД, секретным осведомителем НКВД была и Лилия Брик».

В сентябре 1929 года Маяковский стал снова усиленно хлопотать о поездке в Париж. Последовал категорический отказ...

«Девять раз он пересекал границу Союза, легко планировал все путешествия, договаривался о встречах и выступлениях, назначал заранее число и месяц — получение визы на выезд было для него просто формальностью, как для жителя какой-нибудь Латвии. И вот впервые — отказ. Недоверие власти! Ничего страшней нельзя было придумать, — пишет Ю. Карабчиевский в книге «Воскресение Маяковского». — Рухнули надежды, перед Маяковским обрушился «железный занавес», подготовленный кланом Бриков — Агранова — Ежова. К тому же Татьяна знала, что в Москве — Лилия. Сил для борьбы с ней за Маяковского в коммунистической столице у молодой красавицы-эмигрантки не было. Вскоре она вышла замуж за виконта дю Плесси.

Для Маяковского это была самая тяжелая сердечная рана в конце его трагической жизни».

«Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух, – вспоминала Лиля Брик. – Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую еще был по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в Париже, в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил бы скандал, который ей может навредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит по всему этому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано...»

Больше ни телеграмм, ни письменных посланий от Маяковского в Париж не последовало. «Мы видели, – вспоминали супруги Шухаевы, – что Таня очень переживала это, ей было очень тяжело».

Письмо Яковлевой от 5 ноября 1929 года, где она, кстати, сообщала поэту о сватовстве Бертрана дю Плесси, на которое она еще не дала окончательного ответа, кануло в Лету...

«Любовная лодка» Маяковского попала в водоворот каких-то подводных течений и разбилась, – констатирует Ал. Михайлов. – Некоторые склонны предполагать: если бы, мол, роман Маяковского с Яковлевой получил продолжение, не было бы трагедии, не было бы «пули в конце». Кто знает, кто знает...»

«Тяжкие разочарования, пережитые Маяковским, о которых он говорил со мной в Париже... заключались в том, что... коммунизм, идеи коммунизма, его идеал, это — одна вещь, в то время как “коммунистическая партия”, очень мощно организованная, перегруженная административными мерами и руководимая людьми, которые пользуются для своих личных благ всеми прерогативами, всеми выгодами “полноты власти” и “свободы действия”, это — совсем другая вещь. Маяковский понял, что можно быть “чистокровным” коммунистом, но — одновременно — совершенно разойтись с “коммунистической партией” и остаться в беспомощном одиночестве». Так писал в своих воспоминаниях художник Юрий Анненков, хорошо знавший поэта.

Что касается «пули в конце», то хочется напомнить читателям: еще в 1915 году Владимир Владимирович предсказывал свою трагическую гибель:

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.

Был и еще один момент в этой истории. После второй поездки Маяковского за границу, в мае 1929, Осип Брик познакомил его с Вероникой Полонской. Дочь известного актера немого кино, молодая актриса МХАТа, жена актера Михаила Яншина, она была необыкновенно хороша собой и сразу «влюбила в себя» Маяковского. Начались встречи... «В те самые дни, когда он штурмовал Татьяну в Париже любовными письмами и телеграммами, ничуть не менее бурным его атакам подвергалась в Москве (а в июле-августе — на Черноморском побережье, куда она выезжала с театром на гастроли) Вероника Полонская, – рассказывает А. Ваксберг. – В комнате в Лубянской проезде, куда «тайком» приходили письма из Парижа, Маяковский чуть ли не ежедневно — и тоже тайком — встречался с Норой (так звали Полонскую близкие). С пяти часов и до начала спектаклей в театре время безраздельно принадлежало им двоим...»

«Осенью он хлопочет о поездке в Париж, очевидно, для того, чтобы вернуться обратно с Яковлевой, — а Полонскую нежно любит, называет “невесточкой” и строит с ней планы на будущее», – подчеркивает и Ю. Карабчиевский. Остается добавить, что и Вероника Витольдовна тоже оказалась между двух огней: она хорошо относилась к мужу и никак не решалась открыться ему, чтобы связать свою судьбу с Маяковским... Между ней и поэтом происходили ссоры, скандалы, и актриса всерьез советовала ему обратиться к врачу.

Может, обо всем этом каким-то образом стало известно Татьяне Алексеевне? Та же Эльза Триоле по указке Лили Юрьевны могла постараться...

В 1939 году муж Татьяны Яковлевой погиб в авиакатастрофе. К этому времени у Татьяны был роман с молодым художником, тоже выходцем из России, Александром Либерманом. Год спустя Алекс, Татьяна и ее десятилетняя дочь Франсин эмигрировали в США. В Нью-Йорке Алекс и Татьяна вступили в брак...

...В 1976 году по туристической путевке в СССР впервые из США приехала дочь Татьяны Яковлевой — Франсин Грей. В Москве она прежде всего посетила Государственный музей В. В. Маяковского.

...«Мои письма к Маяковскому сожгла Лиля Брик», – призналась Татьяна в Нью-Йорке, где и закончилась ее жизнь в 1991 году. Письма поэта к ней находятся в сейфе Гарвардского университета.